

Крайнова М. В.

"ИСПОВЕДЬ" Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/40.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 95-97. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

представляет собой картину мира поэта, результат его творческого познания реальности. Характерная особенность творчества В. С. Высоцкого - понимание каких-либо явлений действительности как частей единого мирового процесса, а также соединение не только различных культур, но и воссоздание последствий их переплетений. Именно через символы передается как конфликт самого поэта с миром, так и конфликтность тем, причем одна тема реализуется в нескольких символах, иногда сквозных.

Отметим, что символ представляет собой эквивалент достаточности, позволяющий воссоздавать собственное видение реальности в рамках художественного произведения, не нарушая естественной связи, существующей между личностью и человечеством.

Ю. А. Андреев выявил такую формулу поэтического искусства, которую правомерно отнести и к творчеству В. С. Высоцкого: «Поэтический мир - это реальная действительность, пропущенная через фильтр лирического переживания и приобретающая в результате этого особую пространственную и аксиологическую структуру» [Андреев, 1990, с. 36].

Список использованной литературы

1. Андреев Ю. А. В. С. Высоцкий: исследования и материалы. Воронеж, 1990.
2. Багдасарян В. Э. Символы, знаки, эмблемы. М., 2003.
3. Высоцкий В. Сочинения: в 2-х т. М., 1991.
4. Фадеева И. Е. Символ и искусство: текст-образ-смысл. Сыктывкар, 2004.

«ИСПОВЕДЬ» Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

*Крайнова М. В.
МОУ «СОШ № 7», г. Иваново*

В середине 70-х годов накануне своего пятидесятилетия Л. Н. Толстой переживает глубочайший кризис своего нравственно-философского мировоззрения. Выйдя из него, в 1879 году, он создает «Исповедь» - уникальный психологический документ, поражающий, по мнению И. С. Тургенева, «искренностью, правдивостью и силой убеждения» [Тургенев, 1968, с. 89], не имеющий равных себе, пожалуй, во всей художественной литературе.

Смысл названия данного произведения и прост и сложен одновременно. Что же такое - исповедь? Исповедь как определенная религиозная стратегия в жизни верующего представляет собой сознание человеком всех своих греховных мыслей и деяний, раскаяние в них с обещанием исправления; исповедь совершается перед священником и является внешним выражением религиозного таинства покаяния.

К практике исповедания в Новое и Новейшее время обращались не только религиозные люди, но также и светские, о чем свидетельствует появление большого количества литературы исповедального характера. Исповедь перестала быть делом исключительно конфессионального значения, и как следствие в пространстве культуры появляются литературные тексты, которые называются «Исповедь» [Соловьёва, 2001, с. 61] (например, произведения блаженного Августина, Ж.-Ж. Руссо).

Исповедь как особый литературный жанр чаще всего отождествляют с автобиографическим произведением, мемуарами или с такого типа художественным текстом, который имеет целью публичное покаяние. В отличие от автобиографии текст исповеди не может мыслиться в качестве любого типа самораскрытия, исповедальное слово всегда открывается как слово покаяния, слово новой жизни и судьбы. В исповедальном тексте всегда присутствует лицо, к которому обращается автор, и ценностно-нормативные установки, которыми автор «поверяет» свой жизненный путь [Там же, с. 63].

При всей насыщенности христианской лексикой толстовская «Исповедь» - это, прежде всего, публицистическое произведение, где христианская вера является предметом не восхищения, а взыскательного осмысления. Таким образом, «Исповедь» Толстого открывает новые возможности использования этого феномена, трактуя исповедь как публицистический прием.

Понять Льва Николаевича Толстого - это значит самому хотя бы на какое-то время попытаться войти в круг осмысления архиважных проблем: человек и природа, жизнь - смерть - бессмертие, свобода и несвобода в судьбе человека и общества, долг и счастье, ступени жизни: от детства через грехопадение к воскресению, вера и сомнение, добро и зло, насилие и «непротивление злу насилием», красота истинная и ложная, благо «животное» и духовное.

В «Исповеди», подобно блаженному Августину и Ж.-Ж. Руссо, Толстой делится с читателем своей попыткой осмыслить собственный жизненный путь, путь к тому, что он считал истиной. Впрочем, и все ранее созданное писателем тоже было своеобразной исповедью. Переживания героя «Детства», «Отрочества», «Юности», «Казаков», драма, раскрытая в «Семейном счастье», духовные искания Пьера, князя Андрея, Левина - это ли не преломление сокровенной жизни самого автора? Так, Левин выглядит почти двойником Толстого, и его история в романе уже содержит непосредственную прелюдию к «Исповеди».

Читая «Исповедь» Толстого, мы получаем возможность не просто познакомиться с важнейшими периодами жизни писателя, но и вместе с ним осознать, что «двигало» его жизнью, то есть, пользуясь психологическим термином, понять, что было ведущим мотивом для каждого этапа.

Исполненные удивительной искренностью, уже первые строки рисуют душевный «багаж» восемнадца-

тилетнего Толстого, входящего во взрослую жизнь. Из детства он вынес смутную веру во что-то хорошее, стремление быть как можно лучше. Главным же в этом неясном до конца чувстве, как потом только понял сам писатель, было стремление к нравственному совершенствованию.

Размышления Толстого подводят читателя к очень важной мысли, что именно в детстве закладываются нравственные основы личности. Об этом же Л. Н. Толстой писал и в биографической трилогии «Детство. Отрочество. Юность»: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [Толстой, 1989, с. 48].

С поистине научной, психологической точностью Толстой показывает в «Исповеди», как его стремление к совершенствованию стало все более и более конкретизироваться, а потом исказиться под действием социального окружения, пока не осозналось как стремление быть как можно лучше уже не перед Богом или собой, а перед другими людьми. При этом хотелось стать славнее, богаче, важнее их.

Известно, что на пороге взрослой жизни одним из самых мощных мотивов является «социальный мотив», то есть стремление получить признание окружающих тебя людей, найти место среди них. А это осуществимо только при условии удовлетворения «социальных ожиданий», направленных на личность. «Отдавая этим страстям, я становился похож на большого, и я чувствовал, что мною довольны», - читаем в «Исповеди» [Там же, 1983, с. 109].

Что же требовало от личности дворянское общество? «Честолюбие, властолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть - все это уважалось», - вспоминает Толстой [Там же]. Именно такая система ценностей стала определять поступки молодого человека: «Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяние всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал, и за все это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком» [Там же, с. 110]. Естественно, что под такой образ жизни Толстым было сформировано и соответствующее мировоззрение, или, образно говоря, объектив, через который он пытался смотреть на мир, чтобы осознать его [Гудинг, Леннокс, 2001, с. 14].

Не удивительно, что рано или поздно желание оценить себя как личность приводит к настоящему конфликту, когда стремление к добру, нравственности, вынесенное из детства, наталкивается на постоянную необходимость поступать жестоко и безнравственно. По существу такой конфликт - это отражение духовной жизни личности, когда в борьбу вступают два начала: добро и зло. Но, к сожалению, внешняя необходимость в ситуации, отраженной в «Исповеди», постепенно превратилась во внутреннюю силу, мотив или «страсти», которым стал предаваться молодой Толстой.

И все-таки писателю на протяжении длительного времени удавалось избежать страшного тупика, к которому так упорно подталкивало его социальное окружение. Из текста «Исповеди» мы узнаем, что он много и плодотворно пишет, увлекается идеей народного образования. Важным этапом в его жизни становится женитьба, а затем воспитание детей. Каждое событие вызывает бурю эмоций у Толстого, страстно, вдохновенно он предается каждому своему занятию. Возможно, это и помогало ему не останавливаться на очередном мотиве, а, перерастая рамки одной роли, стремительно двигаться к другой. Но на протяжении всех жизненных периодов, как видно из текста «Исповеди», Толстой не прекращал напряженную аналитическую работу, направленную на познание личности как своей, так и других людей. Снова и снова он задавался вопросами: чем живут они, эти окружающие его люди, каковы их истинные мотивы и ради чего действует он сам: «Начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «Мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну, хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, - ну и что же?» [Толстой, 1983, с. 116]. Такая мучительная аналитическая работа приводит к настоящему разочарованию, после которого он не может вернуться к прежним занятиям.

Нетрудно заметить, что в «Исповеди» присутствуют две линии, переплетающиеся между собой, по которым идет развитие личности писателя. Первая - стихийное развитие и стихийная смена ведущих мотивов, вторая - напряженная работа сознания и самосознания. Именно такая работа способствовала тому, что частный вопрос: «Для чего я это делаю?» превращается в коренной вопрос человеческой личности: «Для чего я живу?». К этому времени аналитическая составляющая личности Толстого становится настолько сильной, что без ответа на последний вопрос он не может продолжать жить: «Я почувствовал, что то, на чем я стоял, подломилось, что мне стоять не на чем, что того, чем я жил, уже нет, что мне нечем жить» [Там же].

Итак, старый «объектив», через который Толстой смотрел на мир, больше не устраивал писателя, но он не просто констатирует этот факт, не просто исповедуется, а, скорее, раскаивается в своем мировоззрении и прежнем образе жизни. Писатель утверждает, что наряду с рациональным разумом, оправдывающим его образ жизни и теорию прогресса, в нем всегда жило чувство, неподвластное разуму. Это чувство «вытекало из сердца». Именно оно, это чувство, и выступило той силой, которая побудила его к раскаянию. Однако от прежнего мировоззрения Толстой отказался более всего под страхом собственной смерти, страхом невероятной силы: «Я испытал ужас перед тем, что ожидает меня... Ужас тьмы был слишком велик, и я хотел поскорее избавиться от него петлей или пулей» [Там же, с. 121]. Вот поэтому так упорно, полагаясь на свой неутомимый ум, писатель ищет новое, отличное от прежнего мировоззрения, способное победить смерть. А

поиск смысла жизни - в том виде, как он изображен Толстым, - есть одна из самых главных и высших функций личности, особенно той ее характеристики, которая определяется как самосознание.

Несомненно, сила ума, сила воли, работа, направленная на самосовершенствование, уроки нравственности, вынесенные из детства, осознание, а затем и раскаяние в собственном мировоззрении - все это помогло писателю преодолеть духовный кризис. И психологическим выходом из него стало понимание того, что в своих поисках писатель, не сумевший победить гордость и не достигший смирения, оторвался от многих миллионов людей, живших до него и живущих теперь: «С тех пор, как началась какая-нибудь жизнь людей, у них уже был этот смысл жизни, и они вели эту жизнь, дошедшую до меня. Все, что есть во мне и около меня, - все и плотское и неплотское, все это - плод их знания жизни. Те самые орудия мысли, которыми я обсуждаю эту жизнь и осуждаю ее, - все это не мной, а ими сделано. Сам я родился, воспитался, вырос благодаря им. Они выковали железо, научили рубить лес, приручили коров, лошадей, научили сеять, научили жить вместе, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить. И я-то - их произведение, ими вскормленный, вспоенный, ими наученный, их мыслями и словами доказал им, что они - бессмыслица! Тут что-то не так, - говорил я себе» [Там же, с. 136].

Да, именно через понимание, что человек и его личность - порождение человечества, Толстой приходит к важным выводам: «в одной вере можно найти смысл и возможность жизни» [Там же, с. 141] и чтобы постичь смысл своей жизни, нужно приравнять ее не к конечному существованию своего тела, а к «бесконечному началу», определяемому как «божественная душа»: «Понятия бесконечного Бога, божественности души, связи дел людских с Богом, понятия нравственного добра и зла - суть понятия, выработанные в скрывающейся от наших глаз исторической дали жизни человечества, суть те понятия, без которых не было бы жизни...» [Там же, с. 143].

Так, через субъективное открытие, а затем через приобщение своей личности к духовному наследию человечества писатель находит ответы на мучительные вопросы и вырабатывает новое мировоззрение на основе собственного свободного толкования христианства. А этапы сложнейшей мыслительной и духовной работы отразила «Исповедь» - не только удивительный психологический документ, раскрывающий «историю развития личности Толстого» [Гиппенрейтер, Пузырей, 1982, с. 240], но произведение настоящего художника слова.

Все, что преломлялось через личность Толстого, проходило испытание на жизнеспособность, воплощалось в художественных и философских произведениях. Сущее (реальная жизнь, с её взлетами и падениями) и должное (наше божественное по сути представление об идеале жизни) становились исходными точками толстовского миротворчества. «Толстой создал великие художественные ценности не вопреки своим философским воззрениям, а благодаря им. Его произведения формировались под явным влиянием плодотворных философских идей, органически вошедших в нравственно-психологический опыт писателя, способствовавших эстетическому постижению закономерностей человека и мира, материалистическому решению проблемы взаимодействия субъекта и объекта в самой художественной практике писателя» [Курляндская, 1988, с. 56].

Идея взаимосвязанности человека и мира, бережного отношения первого ко второму глубоко нравственна и крайне актуальна для сегодняшних поколений, когда человечество в гордом своем возвышении над природой отпало от нее и сделало свое существование весьма проблематичным.

Общество, где человек превращен в средство достижения целей, где материальное потребление поглощает духовную сущность личности, где люди не обладают должной культурой общения и лишены реальных демократических прав, - такое общество, согласно Толстому, обрекает себя на неизбежную гибель. Эти мысли не только не утратили, но приобрели еще большую значимость в новом тысячелетии.

Список использованной литературы

1. Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: для чего мы живем и каково наше место в мире / пер. с англ.; общ. ред. Т. В. Барчуновой. Ярославль: Изд-во «ДИА-пресс», 2001.
2. Курляндская Г. Б. Нравственный идеал героев Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988.
3. Психология личности: тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
4. Соловьёва С. Исповедание как практика самосохранения души // Всероссийская научная конференция «Бренное и вечное: экология человека в современном мире» 23-24 октября 2001 года: тезисы докладов и выступлений / ред. Г. П. Выжлецов, И. Ф. Игнатьева. Великий Новгород, 2001. Вып. 4.
5. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М.: Дет. лит., 1989.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. / коммент. Л. Д. Опульской. М.: Худож. лит., 1983. Т. 16. Публицистические произведения. 1855-1886.
7. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Л., 1968. Т. 13. Кн. 2.